

схожих по механизму действия. На данном уровне моделирования установлено два таких синтетических типа связей, которые являются типологической базой исследования.

Мы не стремимся безапелляционно утверждать жесткую типологию всех имеющихся в институте юридической ответственности связей, предложенная модель отражает стремление структурировать разработки научной мысли в сфере изучения сложной системы исследуемого правового образования на современном этапе.

1. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – Москва : Издательство «Наука», 1973. – 270с.
2. Вальт, Л. О. Соотношение структуры и элементов / Л. О. Вальт // Вопросы философии. – 1963. – №5. – С. 44-53.
3. Сильченко, Н. В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права / Н. В. Сильченко // Право и правотворчество: вопросы теории : сб. ст. / АН СССР, Ин-т государства и права; редкол.: В. П. Казимирчук (отв. ред) [и др.]. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 55–63.

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ «JUS AD BELLUM» И «JUS IN BELLO» В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.В. Докучаев (Москва, Россия)

Право и закон, организующие часть пространства, в котором протекает социальная и политическая борьба, вводят в противостояние игровые и культурные императивы. Уже потлач анализируется исключительно с юридической стороны, как правообразующий обычай. Юридические регламентации «военного» и «мирного», занимающие важное место в античном (особенно римском) праве, приобретают характер нравственного императива (подкрепленного клятвой воинов - как в Шарру в 989 г.) в рыцарском идеале средневековья. «Право народов» от Тита Ливия до Г. Гроция и де Ваттеля приобрело законченную юридическую форму, кодифицируя войну и мир в соответствующих категориях. Эта форма, пусть и различными способами с помощью различных сил вводила новый дифференцирующий элемент - структуру международного права, которая организуется соглашением государств.

В известной книге Гроция («О праве войны и мира») конструкция международного права включает в себя войну как естественную часть собственного содержания. Далеко не всякая война заслуживает осуждения. Г. Гроций ссылается на Цицерона, Тита Ливия, И. Флавия в иллюстрации естественного закона, права на самозащиту. Де Ваттель («Право народов») позднее воспроизвел аналогичную аргументацию.

Право народов обязательно должно соблюдаться всеми его субъектами, так же, как внутригосударственные законы. Невозможно согласиться, утверждает Гроций, с теми, кто полагает, что во время войны прекращается действие всякого права. Различая частную, публичную и смешанную войны, Гроций подчеркивает, что публичная справедливая война имеет, в соответствии с правом народов, «торжественный характер» лишь в том случае, если ведется от имени суверена и с соблюдением взаимно признаваемых обрядов и правил. Помимо этого, предметом изучения Гроция становится вопрос о реальных причинах войн и, таким образом, о возможности классифицировать межгосударственную борьбу по принципу справедливости и несправедливости.

Гроций отмечает, что большинство авторов выдвигает три справедливых причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание. Справедливой причиной начала войны может быть ни что иное, как правонарушение: «правильно - пишет Гроций, - что войны, предпринятые государственной властью, влекут за собой те или иные юридические последствия...; но тем не менее таковые не ограждены от порицания, если они предпринимаются без причины. Так, Александр, который без всякого основания пошел войной на персов и на прочие народы, в частности, как сообщает Курций, на скифов, заслужил у Сенеки прозвище разбойника, у Лукана - грабителя... Сюда же относится следующее изречение Августина: «Что при отсутствии справедливости представляют собой царства, как не великие разбойничьи шайки?» [1, с.186-187]. Де Ваттель подчеркивает, что суверен является главным действующим лицом войны, которая ведется от его имени и по его приказу. Таким образом, война торжественная по праву ведется между различными народами и имеет законную причину. Сам процесс противоборства строится по правовому принципу: 1) для природы торжественной войны требуется, чтобы она велась от имени обладателя верховной власти; 2) требуется обязательное объявление войны.

Почему становится важным понять войну как право и совокупность обязательств, кодифицировать ее как некий социально-этический феномен? Эта потребность иллюстрирует сущность особого исторического этапа, когда «на место примитивного идеала чести и благородства в продвинутых фазах культуры заступает идеал справедливости...» [2, с.118-119]. Однако юридическая конструкция неизбежно вступает в противоречие с реальностью.

На очевидную необходимость различать идеальную конструкцию международного права и справедливости и реальный статус государств, указывал И. Кант: «На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и мно-

гих других ... все еще простодушно ссылаются для *оправдания* военного нападения, хотя созданный ими философский или дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь, ни малейшей *законной* силы...» [3, с.273]. Кант с иронией отмечает, что еще ни одно государство не отказалось от своих военных планов под влиянием аргументов, высказанных в сочинениях упомянутых авторов. Впрочем, в рассуждениях Канта не принимается во внимание тот факт, что в задачу Гроция и де Ваттеля вовсе не входило (в отличие от кантовской идеи «вечного мира») устранение войны как явления социальной и политической коммуникации. И то «удивление», которое Кант демонстрирует в упоминании о том, что «слово *право* еще не полностью изгнано из военной политики как педантичное, и что ни одно государство еще не отважилось провозгласить это публично», свидетельствует о действительности (хотя, разумеется, ограниченной) структуры международного права, каковая не может быть классифицирована как чистая фикция.

Запрещение войны в современном международном праве (например, в Уставе ООН) вначале квалифицировалось исключительно в контексте оппозиции, различающей права агрессора и жертвы агрессии. Однако если агрессор фактом агрессии лишается всех международных прав, то, очевидно, соблюдение любого права становится весьма проблематичным. Не случайно многие советские авторы опровергли односторонность этого подхода и признали необходимость провести различие между *jus ad bellum* и *jus in bello*. Вполне очевидно, что если нормы регулирующие законы ведения войны будут дискриминационным образом применяться лишь к одной стороне, весьма сомнительно, что эти нормы когда-либо будут соблюдаться [4, с.216]. Основное противоречие современной концепции международного права в отношении войны заключается в том, что «право войны» является пределом всякого права. Подлинный суверенитет государства определяется способностью вести войны вопреки любым договорам, исходя лишь из собственных политических интересов.

В современных процедурах власти «юридическое», (особенно в контексте международного права) уже не кодифицирует в полном смысле ни саму власть, ни «право войны» или «право в войне», стремительно уступая место ничем не ограниченному насилию. Причем именно это состояние, как выясняется, нуждается во все более утонченной и усиленной средствами массовой коммуникации аргументации, которая ищет убежище для производимой дисквалификации противника в категориях права, давно потерявших изначальный смысл.

Анализ эволюции вооруженной борьбы в XX - начале XXI веков позволяет констатировать некоторые существенные трансформации:

- необходимо обозначить недвусмысленное отличие войн, послуживших отправной точкой для кодификаций Гроция и де Ваттеля, и тех современных форм борьбы, на которые обращает свой взгляд М.Фуко. «Войны не ведутся больше во имя суверена, которого нужно защищать, - замечает Фуко, - они ведутся теперь во имя всех; целые народы стравливают друг с другом, чтобы они друг друга убивали во имя необходимости жить» [5, с.240-241]. Иначе говоря, планетарная борьба за те принципы, на основании которых будет строиться будущая политическая и социальная технология власти, ведется от имени «человечества», то есть универсального термина, разрушающего все границы и позволяющего скрывать подлинные интересы политических субъектов;

- стирается различие между состоянием войны и состоянием мира, а, следовательно, между комбатантами и некомбатантами;

- современные армии все больше напоминают группы наемников, а не народ, вооруженный для защиты государства;

- постулируется бесчеловечное отношение к тому, кто объявляется противником, последний символически и юридически лишается самой принадлежности к человечеству;

- реальная цель планетарных военных конфликтов (включая «борьбу с терроризмом») заключается в свертывании демократических свобод и приближает режим, стремящийся к тотальному контролю над гражданами. Война не просто инструмент и одна из техник господства, она неустранимый элемент контроля. Поэтому любой военный конфликт (даже самой малой интенсивности) вовлекает всех, принимая образ всеобщей гражданской войны, которая в принципе не может завершиться миром;

- законы войны содержат в себе и культурные нормы. Европейские народы, например, привыкли, что войну объявляют и ведут государства и армии. Отсюда психологическая и социально-политическая неготовность сопротивляться таким формам агрессии, как террор или массовая миграция представителей чужой культуры (в отличие от современного Израиля);

- технологии «бестелесной» войны способны окончательно устранить культурный и, вслед за ним правовой модус регулирования конфликтов.

В силу названных и многих других причин сохранение существующих или создание обновленных политических структур, в рамках которых происходит кодификация международного военного права, представляются сложнейшим процессом. Исторический шанс для русских в новом столетии состоит в накоплении ресурсов (экономических, научных, демографических, технологических, собственно военных, дипломатических, культурных). Как мы знаем, перспективы развития военных технологий на ближайшие годы определены. Осталось самое существенное – воспользоваться этим временем для сосредото-

точения в других направлениях. Тогда будут иметь право на жизнь (и гарантировать это право другим) потомки тех, кто сейчас участвует в определении основ будущей политической системы и международного права.

1. Гроций Г. О праве войны и мира. - М., 1956
2. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992
3. Кант И. К вечному миру // Сочинения в 6 т., Т.6
4. Современные войны: гуманитарные проблемы: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1990
5. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996

О СПОСОБНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ К САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СТАТЬЕ И.П. КЕНЕНОВОЙ «ТРУДНО ЛИ ЭЛИТАМ ПРИМЕНИТЬ ЗАКОН К СЕБЕ?»)

С.В. Васильев (Псков, Россия)

Значительный интерес вызывает статья И.П. Кененовой, доцента кафедры конституционного и муниципального права МГУ, под названием «Трудно ли элитам применить закон к себе?» [3]. Автор, анализируя широкий круг научных работ, ставит проблему способности российской элиты к «самоочищению» и «самосовершенствованию». Пожалуй, это крайне актуально сегодня, поскольку дальнейший процесс поступательного движения социума невозможен без серьезных *качественных изменений* в самой элите, весьма «избалованной» условиями, если можно так выразиться, «комфортного» правления (несменяемость, некоторая безответственность, возможность широкого усмотрения в решениях, граничащая с произвольностью), успешное пользование которыми несколько препятствует позитивным изменениям в обществе и фактически «нейтрализует» желание элиты такие изменения инициировать.

Прежде всего, речь идет об обеспечении *прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты, которые позволят уменьшить её «закрытость», повысив тем самым степень ответственности, и, возможно, стимулировать её заинтересованность в собственном качественном обновлении и обновлении социума, формировании свободной конкурентоспособной экономики.

В противном случае элита просто «эксплуатирует» в своих *интересах* множасьщиеся проблемы государства и общества, позволяющие ей использовать режим правления «на случай» (так называемое «ручное» управление) с неимоверным расширением регулятивных возможностей административного ресурса. Возможно, правящую элиту *вполне устраивает* сложившийся порядок, поскольку для неё он обеспечивает условия стабильного обогащения путём востребованного администрирования, создания беспрецедентной зависимости всех остальных от государственного усмотрения. Такой порядок *очень удобен и комфортен* для группы лиц, условно именуемых «правлящей элитой».

Есть примеры того, как усиливается роль административного ресурса. Например, административная реформа, «как считают эксперты [9], ... не решила ... задачу повышения эффективности» (выделено мной – С.В.) взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества, но *привела к появлению многочисленных административных регламентов* (выделено мной – С.В.), которые, по оценкам ряда ученых, не столько рационализировали процесс управления, сколько описали существующие бюрократические «ритуалы». Появилась дополнительная волна отчетности, оторванной от реальных приоритетов власти. В качестве примеров исследователи упоминают о 380 индикаторах губернаторской эффективности, сомнительных с точки зрения управления и не повлиявших на карьеру губернаторов в той мере, в какой имело значение их сотрудничество с «Единой Россией» [3, с.19].

В статье И.П. Кененовой идёт речь о поиске *средств обеспечения прозрачности и ответственности* в среде отечественной политической элиты. Надо полагать, что сейчас условия таковы, что элита весьма «закрыта» (= непрозрачна) и, как следствие, в значительной мере безответственна, не заинтересована в должной мере в позитивных общественных преобразованиях, упорно отстаивая уже сформировавшиеся «консервативные» порядки, выгодные ей.

Особенность механизма государственного управления России - в наличие «элементов клиентелизма, то есть клиентско-патронских (или, как их порой, может быть, не вполне удачно называют, клиентарно-патронажных) сетей» [3, с.21]. При этом «клиентско-патронские... сети формируются путем выстраивания системы личных связей между представителями политической элиты. Данная система *вытесняет*» (выделено мной – С.В.) правовые институты из сферы регулирования отношений по осуществлению публичной власти» [3, с. 21]. Поэтому и некоторые эксперты предостерегают, что «адаптация успешного зарубежного опыта **системной борьбы с коррупцией** в государственных структурах затруднена из-за угрозы потери управляемости социумом в случае устранения сложившейся системы такого рода сетей» [1, с. 91].

При всей неблагоприятности наличия патронажных сетей в государственных структурах современной России, нельзя отрицать, что они являются некоторым инструментом сохранения *стабильности* социума,